

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА (ОБ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ДЕТЕРМИНАНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ПАРТИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ)

*Работа представлена кафедрой политологии и права
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.*

В статье представлен особый подход к взаимоотношениям политики и культуры. Согласно ему культура является такой сферой общественной жизни, которая, хотя и подчиняется политике с точки зрения управления и финансового обеспечения, однако выступает фундаментальной основой социального и политического развития, а вовсе не в роли однопорядковой с ней формой человеческого существования. Данная историко-генетическая схема отношений культуры и политики рассматривается на примере взглядов лидера партии конституционных демократов П. Н. Милокова.

Ключевые слова: *культурная политика, политическая культура, менталитет, мировоззрение, национальные традиции, русская культура, политическое воспитание, политическое образование.*

L. Baltovsky

POLITICS AND CULTURE (ON THE FUNDAMENTAL DETERMINANTS OF THE POLITICAL DOCTRINE OF THE CONSTITUTIONAL DEMOCRATIC PARTY)

The article deals with special views on relations between politics and culture. In accordance with these views, culture is a sphere of life that, on the one hand, is subordinated to politics as a financial and management subject. On the other hand, culture is a basis of social and political development, but not a human life form of the same level. This historical and genetic scheme of culture-politics relations is considered through the point of view of P. N. Milyukov, a leader of the Constitutional Democratic Party.

Key words: *culture policy, political culture, mentality, world outlook, national traditions, Russian culture, political training, political education.*

Обусловленность политики культурой, равно как и обратная зависимость культуры от специфических политических процессов – эти формулировки звучат для современной

политической науки почти как аксиомы, т. е. воспринимаются такими положениями, которые не требуют особых доказательств. Политология исследует обширный спектр

взаимоотношений политики и культуры, сосредотачивая особое внимание на таких симбиотических феноменах, как *политическая культура* и *культурная политика*. Взаимозависимость политики и культуры характеризуется целым рядом обстоятельств. Благодаря культуре воспроизводится вся существующая система общественных, в том числе и политических, отношений. Культура порождает тот или иной тип мироотношения – от протестного до апологетического, оказывая тем самым непосредственное влияние на формирование политического сознания и политической культуры. Культура выступает в качестве основного механизма для политической социализации личности, поскольку власть всегда заинтересована, чтобы общество состояло из лояльных по отношению к ней граждан.

В свою очередь сфера культуры является объектом необходимого для поддержания общей жизнедеятельности политического управления. Специфика воплощения в жизнь культурной политики зависит от обширного ряда социокультурных и политических факторов. Это: уровень общей культуры политических субъектов; национальные традиции, культивируемые государством и обществом; потребности индивидуумов и интересы социальных групп; формы государственного устройства, характер политического режима и т. д. Оказывая влияние на процессы, происходящие в культурной жизни, политическая сфера формирует системные социально-политические отношения и, параллельно, поддерживает складывающиеся в обществе связи и коммуникации. Соответственно через культуру политическая система воспроизводит и самое себя. Реализация культурной политики представляет собой многоаспектные субъектно-объектные отношения. Субъекты политического процесса всегда оказывают прямое или косвенное влияние на сферу культуры. Характер этого влияния находится в непосредственной зависимости от тех тактических и стратегических задач, которые ставят перед собой господствующие субъекты. Посредством воздействия на сферу культуры, они в результате могут достигать необходимого для себя позитивного общественного воспри-

ятия и политической системы, и происходящих в ней процессов.

Такого рода картину взаимоотношений культуры и политики уместно назвать *структурно-функциональной* (в целом она преобладает и в современной научной литературе). Между тем ко времени формирования основ научного политического знания, в России конца XIX – начала XX столетий, господствовало совсем иное представление об этих взаимоотношениях. По-своему глубоко закономерен тот факт, что историко-социологический пафос многочисленных трудов лидера отечественных конституционных демократов П. Н. Милюкова обращен непосредственно к теме культуры. Его долгий путь в отечественной науке и политике начался с «Очерков по истории русской культуры» (1892–1895). Последним изданием этой книги (так, впрочем, и не завершенной) заканчивалась во Франции его научная и политическая карьера.

Культура предстает у П. Н. Милюкова сферой общественной жизни, вовсе не подчиненной политике с точки зрения управления или же финансового обеспечения, и даже не в роли однопорядковой с ней формой человеческого существования, а фундаментальной *основой* социального и политического развития. Подобную схему отношений культуры и политики можно определить как *историко-генетическую*. В историко-генетическом смысле политическая сфера сама по себе является одним из важнейших *продуктов* культурной деятельности человечества, возникающим на определенном этапе общественного развития. В таком контексте политика превращается, по существу, в одну из существенных характеристик бытия культуры. Политика становится движущей силой культуры; культура в свою очередь наполняет политику духовным содержанием, поскольку в противоположном случае она оставляет за собой право существовать всего лишь как технология власти со всеми вытекающими отсюда структурно-функциональными, т. е. исключительно прагматическими последствиями.

Историко-генетический контекст объединяет культуру и политику категорией «традиция». Историческая традиция лежит в

основе существования любой национальной культуры. «Традиционализм, – по мнению К. Манхейма, – означает тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными» [2, с. 593].

Вместе с тем культура никогда не останавливается в своем развитии, и поэтому традиции также подлежат изменениям и преобразованиям. Культура, по Милюкову, есть не что иное, как *процесс* (разумеется, в самую первую очередь, поскольку существует огромное множество иных толкований категории «культура»), связующим началом которого является передача традиций из поколения в поколение.

Политический процесс соответственно разворачивается в общем потоке историко-культурного процесса – именно в таком смысле следует понимать утверждение, что политика является *продуктом* социокультурного развития. Политический процесс сам по себе функционирует посредством взаимодействия и смены различных парадигм, в первую очередь – мировоззренческих, в основу каждой из которых может быть положена своя собственная традиция. Соответственно история, в известном смысле, представляла собой еще и *конфликт* разнообразных традиций, которые могут восприниматься подлинными и мнимыми, «живыми» и «мертвыми» и т. п. Критерием подлинного прогресса, согласно Милюкову, должен был выступать принцип соединения «живого в прошлом с живым в настоящем». Такая «связь», направленная в будущее, а не в прошлое, и воспринималась самой что ни есть «истинной культурной традицией» [4, с. 137]. Именно таким образом следовало трактовать и его общее требование: искать и развивать исключительно те культурные традиции, которые могли бы помочь современной политической реальности.

Следуя установленным научным требованиям и правилам, Милюков не мог обойти вниманием содержание понятия «культура». Слова, вынесенные в название своей главной книги – «История культуры», он считал «популярными» и не вполне соответствовавшими собственным же социологическим взглядам.

Более того, сам указывал на то, что, несмотря на неоднократное изменение первоначального значения этих слов, смысл «культуры» так и остался «не вполне выясненным» [6, с. 57]. Как научная категория «культура» (вместе с другой, близкой ей по смыслу категорией «цивилизация») появилась, по его утверждению, еще в эпоху Возрождения. Начало их дифференциации было положено В. Гумбольдтом, который понимал под культурой все, что человек создал посредством борьбы с природой и в использовании ее сил, а цивилизацию рассматривал как облагораживание и ограничение естественных человеческих потребностей, т. е. как совокупность факторов, приводящих человека к духовному совершенствованию. Многочисленные последующие интерпретации культуры и цивилизации (вплоть до известной книги О. Шпенглера «Закат Европы») сходились в том, что культура предлагалась цивилизации: «как первоначальное самобытное зерно народного духа – в противоположность нивелировке и обезличению» [6, с. 58]. Такого рода характеристики Милюков считал «тенденциозными», лично предпочитая употреблять оба термина «в самом общем значении», поскольку не желал задавать им линейный и упрощенный смысл «упадка» или «возрождения».

Историко-генетическая обусловленность понятия «культура» получила отражение еще в одной работе Милюкова – «Интеллигенция и историческая традиция» (1909). Хотя содержание этой категории и представлено здесь в общем виде, но все-таки звучит вполне отчетливо: «Культура есть та совокупность технических и психологических навыков, в которых отложилась и кристаллизовалась в каждой нации вековая работа ее интеллигенции. Культура – это чернозем, на котором расцветают интеллигентские цветки» [5, с. 299–300]. Очевидно, что в данном определении имплицитно содержались два основных элемента, выделяемые лидером кадетов, – материальная и духовная составляющие культуры. Материальное начало воплощалось в совокупности географической среды, антропологического субстрата и археологического быта (в позднем творчестве Милюкова оно получит принципиально важное для него наименование – «мес-

торазвитие»). Духовное начало получало высшее воплощение в *самосознании*, т. е. в таких главных течениях человеческой мысли, которые толкали «эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло» [3, с. 8]. Культура, по Милюкову, являлась такой почвой, на которой произрастали цветы сознания: «Естественно, что между почвой и произрастанием должна существовать самая тесная связь» [5, с. 300]. Понятно, что самая непосредственная взаимосвязь должна была существовать также между почвой и *активностью* роста. Общее противоречие материального и духовного начал должен был снять социологический научный синтез. Милюков считал, что все явления человеческой цивилизации (а этот термин он трактовал вполне по-гумбольдтовски) протекают в духовной среде, где формируются человеческая психика, различные институты, быт, религия, искусство и, наконец, политика. Задача заключалась лишь в том, чтобы человеческое сознание могло постигнуть эти законы, а в том что касалось их действия, то детерминистская природа духовных процессов не вызывала у Милюкова сомнений.

Вот почему культура мыслилась им как *живой* организм, причем это требование относилось как к материальной составляющей, так и к духовной. Хотя он и интерпретировал «месторазвитие» как некое обособленное (в смысле окружающей среды) явление, тем не менее постоянно подчеркивал, что ни одно общество не может жить изолированно – и от природы, и от других обществ. Помимо «физических условий» на социум постоянно оказывали влияние еще и внешние факторы: географические, климатические, почвенные, биогеографические условия. Собственно, в этом и заключалась первоначальная фаза культурного («политического» – в самом общем смысле) развития, смысл которой состоял в самом процессе перехода от *подчинения человека природе* к использованию ее сил и в конечном *овладении* ею. Закономерности социологического ряда начали проявлять себя прежде всего в плане расселения. На этой стадии человеческой истории политика выступала как форма борьбы, по существу совершенно бессознательной, за «месторазви-

тие». Развивая эту идею, Милюков ссылался на те источники и их авторов, которые, по его мнению, первыми принялись строить историю культуры на антропогеографическом базисе: «О республике» Ж. Бодена, «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, «Опыт о нравах и духе законов» Вольтера, «Идеи к философии истории человечества» И. Г. Гердера [6, с. 67]. Он также отмечал, что научную постановку проблема связи истории (политики) и географии получила еще в начале XIX в. в трудах К. Риттера, однако только в конце этого столетия познание вопросов культуры в контексте антропогеографии и географической социологии приобрело свои законченные научные формы в работах Ф. Ратцеля.

Следующая фаза развития человеческой культуры, которая складывалась из совокупности экономических, социальных и демографических процессов, выдвигала на первый план уже не «месторазвитие», а самосознание. На этой стадии ведущим субъектом исторического (в том числе и политического) существования и действия становилась нация. Если до-национальное состояние культуры следовало бы помыслить как ее предысторию, то с появлением наций начиналась в собственном смысле *культурная* история человечества. Поскольку культура становилась в этот период зеркальным отражением жизни нации, собственно политическое приобретало в культуре свой смысл и оправдание как *национальное самосознание*. Именно в самосознании начинали воплощаться высшие результаты человеческой деятельности. Национальное начало, благодаря самосознанию, могло выступать в историческом процессе уже как неотъемлемая часть общественного бытия. На этой стадии происходило формирование первых оснований государственности, постепенное развитие которых приводило, в конце концов, исторический процесс к высшей и последней фазе развития – к системному взаимодействию главенствующего государства и складывающегося общества.

Национальное самосознание меньше всего отражало индивидуальные свойства реальных людей: анатомические, физиологические, расовые и проч. Оно, по выражению Милюкова,

выводило «свою постройку под этим фундаментом, не обращая никакого внимания на его распланировку», собирая весь свой материал «из самого себя» [6, с. 13]. Национальными отличиями оказались те, которые так или иначе были зафиксированы национальным самосознанием. Поэтому, даже несмотря на отличия, присущие каждой этнической группе в отдельности, все они сходились в понятии об объединяющем их однородном «национальном типе». Если в период племенной жизни сознание вообще не было сколь-нибудь отчетливым, то уже с момента территориального объединения племен оно принялось развиваться стремительными темпами. Первым признаком национального самосознания стала религия, которая по мере расширения ареала существования быстро освобождалась от групповых форм и получала общественный статус. Под защитой такой общенациональной религии оказывались и общественно-политический строй, и нравственный облик людей, и, наконец, сама территория – все это объявлялось «святым». Вследствие такой экспансии национальное самосознание становилось важнейшим фактором общечеловеческого прогресса, благодаря которому социум мог реализовывать свою собственную национальную идею.

Дальнейшая эволюция культуры протекала по нескольким направлениям: экономическому, политическому, религиозному. Все это находило отражение и в сознании людей. Важнейшей закономерностью развития становилось *взаимодействие* различных наций. Процесс взаимодействия объективным образом приводил к внутренней дифференциации каждой национальности на общественные группы, классы и сословия, которые также начинали активно взаимодействовать между собой посредством «быстрого психического обмена». Все, что могло воспрепятствовать прогрессивному развитию, – а таким тормозом являлись в первую очередь войны – могло приостановить развитие социума, однако речь не могла идти о полной остановке эволюционного процесса. Главными двигателями прогресса оказывались следующие факторы: «во-первых, ослабление военной деятельности нации; во-вторых, известная степень разнообразия

интересов внутри нации при достаточной густоте населения, делающей возможным более или менее быстрый психологический обмен между личностями и группами»; «в-третьих, условие, не необходимое логически, но обыкновенно сопровождающее два первые: именно известная степень мирного психологического взаимодействия между данной группой и чуждыми ей соседними национальностями» [6, с. 15].

В результате такого рода общечеловеческих процессов происходила неизбежная перестройка системы общественных отношений. Патриархальная, традиционная («националистическая») система заменялась системой, основанной на сознательном выборе большинства. Однако подлинная трансформация социокультурных отношений, по глубокому убеждению лидера кадетов, могла произойти только благодаря «политике» и «политической организации» общества. Этим процессам должна была соответствовать и организация политического образования, которая включала бы в себя и методы усвоения, передачи и проверки политического знания. П. Н. Милюков был одним из первых среди своих современников, кто сформулировал идею *политического («гражданского») воспитания*. Хотя термин «гражданское воспитание» впервые появился в научной литературе еще в конце XIX столетия, особое распространение он получил благодаря книге Дж. Дьюи «Демократия и воспитание» (1916) [12]. Известный представитель американской философии прагматизма трактовал гражданское воспитание как особую социальную функцию, осуществление которой составляет важнейшую задачу различных социальных институтов и агентов и которая зависит от множества факторов. Дьюи приходил к выводу о взаимосвязи воспитания и демократического развития общества. На его взглядах отразилась сциентистская вера в возможности позитивного преобразования общества с помощью достижений современной науки об обществе, которая была бы построена по образцу естественных наук, – и это обстоятельство особенно сближает эти формулировки с идеями, которые выражал Милюков.

Согласно лидеру конституционных демократов, гражданское воспитание, невосстребованное в «патриархальном» социуме, становилось настоятельно необходимым для общества, живущего *сознательной* жизнью. Вместо иррациональной, полусознательной внушаемости и возбудимости в политике должно было восторжествовать постоянное осознание мотивов собственного поведения. Главными задачами гражданского воспитания объявлялись «прежде всего борьба против эмоционального, “религиозного типа” психики и насаждение прочных “научных привычек”» [5, с. 376], которые, собственно, и должны были стать фундаментом новой, гражданской, политической культуры, основанной на всеобщем признании правил и требований законов [10]. В тезисе о том, что «политические суждения должны быть составляемы по тому образцу, по которому составляются решения присяжных» [5, с. 376], вероятно, заключалось максимальное проявление милюковского нормативизма. Он был уверен в том, что только высококультурное, образованное общество, основу которого составит «научный» дух в политике и в гражданском воспитании, само по себе может прекратить бесцеремонную эксплуатацию власть предержащими злых, подсознательных сторон человеческой натуры. Соответственно и сама политика из презируемого многими интеллектуалами «грязного» занятия должна была превратиться в одну из *привычных* для цивилизации форм человеческого существования и межличностного взаимодействия.

Таким образом, можно сделать вывод, что само отношение к *культурной традиции* в целом становилось важнейшим критерием политической и идейной социализации. Если «национализм» воспринимался хранителем традиционных воззрений, то «критика» интерпретировалась как основа для их разрушения. Вместе с тем критический период (и этот момент Милюков подчеркивал особо) не только разрушал старое, но и создал *новую традицию*. Идея русской культуры как общественного **самосознания** рождалась в попытках сконденсировать в фокусе насущного политического сознания (**в том числе и правосознания**) *европейский* опыт. Во всяком случае,

критическое отношение к отечественной действительности впервые начало пробуждаться в российском общественном сознании именно с XVIII столетия, и происходило это прежде всего под воздействием западных идей. Термины, вынесенные в заголовок третьего тома «Очерков по истории русской культуры» («Национализм и европеизм»), отражали, с одной стороны, *национальную* стадию развития России, с другой – период ее *общественного* развития. «Европеизм» как категория появился в научно-политическом дискурсе Милюкова только в конце 1920-х гг. Сам автор писал по этому поводу, что первоначально он рассуждал об «общественности» (в противоположность «национализму»), однако данное «понятие, сложившееся в специфических русских условиях», оказалось «непереводимым» на иностранные языки [5, с. 3].

Милюков специально подчеркивал, что «европеизм» не следовало понимать как заимствование некоего чуждого русской жизни иностранного начала (а именно так относились к термину его критики – защитники идеи национального своеобразия). Термин «европеизм» надлежало интерпретировать как раз наоборот – в духе «общности России с более счастливыми в культурном отношении странами», поскольку само «месторазвитие» («Евр-Азия») задавало стране общие с Европой элементы развития. «К этому представлению, – писал он, – ведет и самый термин “Евразия”, если употреблять его научно, а не тенденциозно. Евр-Азия не есть Азия; а есть Европа, осложненная Азией» [5, с. 4]. В сущности, есть все основания говорить о выработке П. Н. Милюковым *европоцентристской модели* историко-культурного процесса в России. Формулируемая ученым-политиком концепция предполагала решение общего фундаментального вопроса: где искать логико-методологические основания развития цивилизации – в историко-культурных традициях национального сообщества или же в цивилизационном (европоцентристском) культурно-философском идеале?

Между тем лидер кадетов часто приводил в качестве *идеального* примера для сравнения, а не для подражания, Соединенные Штаты

Америки, в которых, по его мнению, были созданы «элементарные условия политической жизни», какие *человечество* всегда и везде должно было создавать. Отсюда можно сделать вывод, что дилемму национального и цивилизационного он разрешал однозначно в пользу надисторической нормативности общеисторических процессов по отношению к какой бы то ни было национальной специфике, выдвигая тем самым на первый план политическое измерение культуры, которым определялись границы ее рационалистической интерпретации. «...Сами по себе свободные формы политической жизни, – писал Милюков еще в 1902 г. в манифесте „От русских конституционалистов“, – так же мало национальны, как мало национально употребление азбуки или печатного станка, пара или электричества. Это просто формы *высшей культуры* (курсив наш. – Л. Б.), достаточно широкие и гибкие, чтобы вмещать в себе самое разнообразное национальное содержание» [7, с. 37]. Такого рода методологическую и практическую установку он считал продолжением и развитием своей строго *научной* позиции, которую активно защищал и проводил в различных аудиториях.

В первую очередь это касалось полемики с евразийцами. «Евразийцев Милюков называл <...> „учениками Струве“. Спор Струве и Милюкова, возникший в 1897 г. после выхода „Очерков по истории русской культуры“ <...> был продолжен в 20-е гг. XX века. Разногласия касались определения задач истории и социологии, конкретных и абстрактных наук, вопросов соотношения понятий „закономерность“ и „индивидуальность“ в историческом процессе. Для Струве, как и для евразийцев, в решении этих вопросов общим было отрицание истории как науки, изучающей общие законы исторического развития, закономерностей хода истории, рассмотрение “индивидуального” – неразложимым, неповторимым и не подлежащим научному анализу» [1, с. 68; 8, с. 56–66; 9, с. 34–42; 11, с. 72–79]. В конечном итоге ученый-политик приходил к пониманию и формулированию нового типа целостности – организующей модели «целого», учитывающей *различия*, разнообразие, национальную и региональную специфику общественного самосознания, преодолевающей изолированность общественного сознания и его монокультурность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков в полемике с евразийской концепцией русской истории // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2003.
2. *Манхейм К.* Консервативная мысль // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 2006.
4. *Милюков П. Н.* Живой Пушкин. М., 1997.
5. *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
6. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1993. Т. 1.
7. [*Милюков П. Н.*] От русских конституционалистов // Российские либералы: кадеты и октябристы (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996.
8. *Милюков П. Н.* Евразианизм и Европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1994.
9. *Никитин В. П.* Что я возразил бы П. Н. Милюкову (по поводу его выступления об евразийстве) // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII.
10. *Петрусенко Н. В.* Монархия в политической культуре России начала XX в. (опыт анализа взглядов Конституционно-демократической партии) // URL: http://www.nivestnik.ru/2002_1/5.shtml.
11. *Степанов Н.* Критика евразийства П. Н. Милюковым // Евразийская перспектива (Второй международный конгресс «Культура и будущее России»). М., 1994.
12. См.: *Dewey J.* Democracy and Education. An Introduction to the Philosophy of Education. New York, 1916.